

Майкл Уэнски

The background of the cover is a detailed illustration. In the center, a man with dark, curly hair and a beard, wearing a light-colored, long-sleeved robe, stands with his hands clasped. To his left, a woman with dark hair and a crown-like headpiece, wearing a dark, patterned garment, looks towards the viewer. To the right, a large, dark, horned creature, possibly a dragon or a griffin, is partially visible, holding a large, open book. The background is filled with intricate architectural details and patterns, suggesting a rich, historical or fantastical setting.

Книга
СКОРПИОНА

Майкл Уэнски
Книга скорпиона

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Уэнски М.

Книга скорпиона / М. Уэнски — «ЛитРес: Самиздат», 1999

Что на самом деле произошло на заре нашей эры на окраине Римской империи, в древней Иудее? Кем был пророк из Назарета и кто те люди, которые были рядом с ним? Почему в Евангелиях, признанных официальной церковью, так много несостыковок и неточностей? И, наконец, откуда росли корни той силы, которая позволила новому учению покорить половину мира и породить новую цивилизацию, новую империю - христианскую? Обо всём этом читайте в евангельском романе "Книга скорпиона"

© Уэнски М., 1999

© ЛитРес: Самиздат, 1999

Содержание

Предисловие.	5
Слово сектоведа.	6
КНИГА СКОРПИОНА	8
Начало	8
Рождение скорпиона	10
Масалья	11
Путь скорпиона. Начало	13
Мегатель	17
Город скорпиона	18
Йоханнан	21
Хранители	22
Хлойи	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Предисловие.

История обретения этой книги настолько удивительна, что может считаться чудом. Я купил её в 1992 году в Восточной Сибири на железнодорожной станции с труднопроизносимым названием, которое я не запомнил, о чём сейчас очень сожалею. Во время стоянки поезда я прогуливался по перрону. Ко мне подошёл плохо одетый человек и протянул мне нечто в грязном целлофановом пакете. Мне, как иностранцу в России, часто приходилось и приходится сталкиваться с навязчивыми людьми, пытающимися что-то тебе продать. Особенно это сильно было в начале девяностых. Как называют мои русские друзья в «глубинке» тогда нельзя было и шагу ступить, чтобы не оказаться окружённым людьми, желающими выудить из тебя хоть сколько-нибудь денег. За полтора года, проведенных в русской миссии первое чему я научился, было говорить «нет». Тогда я тоже поначалу принялся отказываться, но тот человек не отступал. Он развернул пакет. В нём оказалась старая книга без переплёта. Книга была в ужасном состоянии. В ней не хватало множества страниц, а уцелевшие были испачканы грязью и вздулись от влаги. Я ещё раз повторил свою просьбу оставить меня в покое, но тот человек был настойчив. Странно, сейчас, когда я пишу эти строки, я никак не могу вспомнить его лица. Какое оно было? Помню только его заискивающую улыбку, убогую одежду и дурной запах изо рта. Только чтобы он отстал, я купил у него книгу, даже не вспомню за сколько – русская валюта рубль из-за инфляции постоянно обесценивалась и цены на все товары были неустойчивы. В поезде я забросил книгу в дальний угол своей дорожной сумки и забыл про неё. Только в Хабаровске, в деревянном одноэтажном доме (по-русски он назывался «изба»), который снимала наша миссия, вынимая вещи, я наткнулся на неё. Надо сказать, что мои познания в русском языке и сейчас не отличаются глубиной. Тогда они были ещё более скромны. Я попытался прочесть хотя бы страницу, но моего словарного запаса не хватило даже на это. Кроме того, что текст был сильно испорчен, книга была издана до большевистского переворота 1917 года и набрана ещё старым царским алфавитом с использованием не использующихся теперь букв. Через несколько дней я попросил моего русского друга, по совместительству гида и переводчика, Андрея почитать мне её. Я ясно помню тот вечер. Мы сидели в жарко натопленной комнате. За окном шёл снег. Андрей наугад открыл книгу и стал читать. Это был фрагмент казни Христа. Я был настолько поражён, что попросил его читать ещё. Мы тогда просидели всю ночь, перелистывая истрёпанные страницы. Наутро я ушёл спать с ощущением встречи с чудом. Последующие мои годы были посвящены работе по прочтению и записи уцелевших фрагментов книги, составлению примечаний и комментариев. После того как меня перевели в кейптаунский филиал нашей миссии, я познакомился с замечательным человеком и моей будущей женой Мэри, женщиной с редким талантом любить и прощать. Вместе мы подготовили к изданию эту книгу. Мы не претендуем на полную историческую достоверность. Мы не знаем автора данного произведения. Я обращался к экспертам и они, исследовав ту книгу, определили её дату издания, как начало 20 века. Многие фрагменты книги не сохранились. Просим прощения у наших читателей за отрывочность некоторых глав. От себя мы добавили лишь несколько комментариев исторического и религиозного содержания. Надеюсь, что ваша вера в Христа только укрепитя от прочтения этой книги, как укрепились она в нас.

Майкл и Мэри Уэнски.

Действительные члены религиозно-благотворительной миссии «Возрождение»
Бостон 1999.

Слово сектоведа.

Ситуацию, сложившуюся в нашей стране на рубеже 80-90-х годов XX века можно охарактеризовать как духовное возрождение нации, возвращение её на свою исконную православную стезю, освобождение от коросты безбожия и нигилизма. И как нельзя кстати звучат здесь слова Пушкина:

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Но, кроме радости пробуждения и осознания своего истинного пути в это же время на нашу страну начинается нашествие, сравнимое, разве что с монголо-татарским. Орды сект, лжерелигий и суеверий, подняв знамёна ханжества, клеветы и прямого беззакония устремились на новое поле, которым явилась Россия. Не буду перечислять здесь длинный список всех этих сомнительных вероучений и псевдорелигиозных культов – он известен (слава Богу, пока в большинстве своём только опосредовано) практически всем. Однако, данная книга, изданная с предисловием неких Майкла и Мэри Уэнски (Michael & Mary Wansky), действительных членов религиозно-благотворительной миссии «Возрождение», заставляет обратить более пристальное внимание к данной организации.

Религиозно-благотворительная миссия «Возрождение истинной евангельской церкви» (а именно так полностью звучит название этой организации, целомудренно сокращённое до «Возрождения» господами Уэнски) есть неопротестантская псевдоевангельская тоталитарная секта, известная также как «Бостонское братство» или «Братство истинной веры». Основана она была в Филадельфии (впоследствии штаб секты переехал в Бостон) в 1955 году пастором Маккинли. Пастором он стал лишь незадолго до открытия собственной секты, а так сменил с десятков профессий, последняя из которых была коммивояжёр. Сам Маккинли в своих вероучительных наставлениях акцентирует внимание, с понятной целью, на другой своей «допасторской» профессии – какое-то время он работал плотником. Своей главной целью Маккинли провозгласил евангелизацию населения Земли (ни больше не меньше!) и объединение всех людей в новой «истинной» церкви. Идеал такой церкви Маккинли видел в раннехристианских общинах, главную же беду – в огосударствлении христианства, от чего, по его мнению, и католичество, и православие, и протестантство исказились, поэтому не могут претендовать на роль объединяющей силы. Таким «объединителем» (unifier), по убеждению Маккинли и станет его новая «Истинная евангельская церковь». Надо отметить, что эта «церковь» являет собой жёсткую иерархическую структуру с Генеральным советом во главе. Председателем или Первоговорящим (Prime speaker) этого совета естественно является сам Маккинли. В секте существует детально прописанная «модель восхождения», или иными словами система внутрицерковных рангов. На сегодняшний день, по заявлениям самого Маккинли, членами его «церкви» являются 175 тысяч человек в более чем 50 странах мира. Как и в прочих тоталитарных сектах основным источником финансирования являются пожертвования членов секты, так называемая десятина. Особое внимание при вербовке новых членов секты отводится студентам и молодёжи в целом. Искренне ищущие Бога молодые люди являются излюбленной целью для всех сект, в том числе и для «церкви» Маккинли.

Что же касается данной книги, то она представляет собой некую смесь из идей о раннехристианской церкви, пропагандируемых Маккинли, оккультно-эзотерических теорий и общей мистики движения «Нью-эйдж». Никакой художественной и, тем более, научной ценности данное сочинение не представляет. Более чем странной и слабо правдоподобной пред-

ставляется история о «чудесном» обретении книги господином Уэнски «в Восточной Сибири на железнодорожной станции с труднопроизносимым названием», которое (вот жалость!) он не запомнил. Кощунственной и ни на чём не основанной является версия о распятии Христа и природе нашего Спасителя. Общий настрой и лезущая в каждом слове сектантская искажённость позволяют говорить об «узкоспециальном» её назначении, как средство пропаганды и поиска новых последователей для «церкви» Маккинли.

Государство в нынешнем его состоянии, к сожалению, не в состоянии обеспечить защиту своих граждан от так называемых новых религиозных доктрин и культов. А сам русский народ, долгие годы фактически лишённый духовного окормления церкви, оказался лёгкой жертвой многочисленных сект. И пусть читателя не вводит в заблуждение названия многих из них, звучащие как «общества», «клубы», «миссии» и даже «товарищества». Это только маски, под которыми скрывается всё то же махровое сектантство и тоталитарные оковы. Кроме вреда материального: изымания денег, квартир и прочего имущества, эти сектантские образования наносят гораздо более обширный и страшный удар по самой сущности человека, по его душе. Все мы помним слова Христа: «По плодам их познаете их» (Мф. 7:16). Так давайте же будем бдительными и прозорливыми, и не позволим обмануть себя всем спекулирующим на имени Христа и событиях Святого Писания.

И. Венчянинов.

Сектовед, преподаватель Информационно-реабилитационного центра по противодействию деятельности деструктивных сект «Спасение».

КНИГА СКОРПИОНА

Начало

*Южная Сирья*¹

Из траурно-чёрных глубин космоса в поле земли влетел золотохвостый метеор и рассыпался на мелкие сияющие пылинки, которые стали медленно оседать на холодную ночную землю и таять, бессмысленно отдавая густому тёмному воздуху остатки тепла.

В одной из глинобитных хижин проснулась женщина, закуталась в расшитое шерстяное одеяло и, повинувшись странному чувству, вышла из дома. Взглянула наверх и застыла, замороженная увиденным. Ночное небо стремительно теряло свою глубину и загадочность, светлело, словно улыбаясь своим мыслям, причём мрак отступал только в центре прохладного небесного ковра, где образовалась круглая, голубоватая дыра, и женщине показалось, что в ней на мгновение промелькнул чей-то скорбный взгляд.

– Масалья, ты здесь? – раздался за спиной хриплый мужской голос.

– Да, Ингиб. – Женщина обернулась к вышедшему из дома мужу.

– Что ты здесь делаешь?

– Смотрю на небо. – Она погладила тьму над головой, как шкуру зверя. – Смотри, на нём пятно! Оно голубое и сияющее. – Женщина внезапно рассмеялась. – Иди же сюда, Ингиб!

Она подбежала к нему, взяла его руки в свои, окатив, словно тёплым ветерком, взглядом восторженных карих глаз.

– Ингиб, это добрый знак. Боги даруют нам детей. Правда хорошо, Ингиб?

Он печально посмотрел на жену:

– Правда, Ма. Правда...

Притянул к себе, обнял, стал успокаивающе гладить грубыми шершавыми плотницкими пальцами её черные волосы.

– Правда, Ма. Правда...

Мужчина был уже довольно стар и, взяв себе в жёны молодую Масалью, третью дочь погонщика Фанхира, надеялся спокойно умереть, оставив своё небольшое имущество ей, так как детей у него не было. Первая жена Ингиба умерла, когда ей было 15 лет от какой-то хвори. Он не любил её: долговязую, смуглую, с гнусавым голосом, повенчанную с ним ещё в раннем детстве. Вторая жена была тихая и покорная Радви: с огрубевшими от тяжёлой работы руками и некрасивым лицом. С ней он прожил много лет. Её тоже унесла болезнь. С тех пор Ингиб спокойно доживал свои дни, и появление в своей жизни Масальи расценивал как великую милость богов. Её солнечный взгляд на мир дарил ему столько радости. Но Масалья хотела иметь детей, и он знал, что никогда не сможет дать ей этого.

В последнее время жену стали посещать видения. По ночам она разговаривала с кем-то невидимым. Ингиба это пугало. А теперь ещё это странное небо. Действительно похоже на знак богов...

– Ингиб, у нас будут дети. – Она никак не могла успокоиться.

Масалья резко отстранилась от мужа, вскинула худые руки и отрывисто засмеялась:

---

¹ Географические названия и имена собственные приводятся в соответствии с оригиналом книги

– Будь благословен, Дарующий радость! – голос её стал неестественно звонок. – И ты тоже! – Она бросила взгляд на Ингиба. Тот испуганно смотрел на жену, ставшую вмиг чужой и словно наполненной требовательной и властной силой. Потом Масалья прикрыла глаза, и он услышал, как улыбающиеся губы шепчут звуки, и звуки слагаются в слова: «Я рожу бога и назову его Иешуа».

Время здесь мерили караванами. С той памятной ночи их прошло ровно дюжина. Масалья действительно носила в себе дитя. Ингиб не знал, радоваться ему или нет. С одной стороны, наследник был его давней мечтой. С другой, его сильно тревожило поведение жены. Та стала замкнутой, не общалась с другими женщинами деревни. В глазах появилась прозрачная отрешённость. Для неё перестал существовать окружающий мир, вернее, он сузился до размеров её живота. Ингиб начал чувствовать себя чужим рядом с ней. Наверное, просто теперь это чувство стало ощущаться острее. Он старался объяснить её поведение телесной слабостью, но смутное чувство беспокойства не покидало его. Ингиб пытался поговорить с нею, но на его вопросы она либо молчала, либо отвечала очень коротко и снова погружалась в свои мысли. А однажды ночью ему приснился сон. Что-то громадное, тяжёлое давило на грудь, мешало дышать, по-змеиному шипело на ухо. Он проснулся в страхе, один, на жёсткой, пахнущей прелым потом циновке. Масальи не было дома. Он выбежал во двор. Южная ночь окутала его прохладным плащом и впервые поразила пустотой. Ингиб понял, что потерял их. Позднее он будет убеждать себя, что боги, наверное, правильно сделали, что разлучили его с женой. Ему, простому починщику караванных повозок, Масалья приносила слишком много хлопот.

Но это будет потом...

Он опустился на землю и зарыдал.

Рождение скорпиона

Верхний Египт

...и ещё пели арфы. Да, точно, арфы. Непонятно было, откуда брались звуки, но музыка заполняла собой всё пространство пещеры.

Маркус стоял на коленях и смотрел на узкую полоску воды, стекавшую сверху, из отверстия в скале. Священный ручей. Тот, кто омылся в нём, приобщался к братству Орфея, великого мага². Стекавшая вода была прозрачно-голубой. «Совсем как ровная полоска стекла», – подумал Маркус. Потом его кто-то позвал. Не словом. Но Маркус почувствовал зов так, словно коснулись его плеча. Повернулся и увидел приближающуюся процессию жрецов: бритоголовых, смуглокожих, в белых одеждах, молчащих и серьёзных.

«Сейчас будет принесена жертва. Сейчас кровь убитого животного смешают с водой из источника и дадут выпить мне. И я стану одним из них...»

...Чаша с мутноватой жидкостью... Глоток... Вкус терпкий, немного солёный и холодный...

Маркус поднялся с колен. На его обнажённое юношеское тело надели белый хитон с изображением Великого Змея, вышитого золотом по краю.

Сосредоточенная тишина и слова клятвы:

«Прощай, старая жизнь. Здравствуй, Свет. Я готов идти туда, где не видно звёзд, чтобы взять то, что нужно мне. Моя клятва верна, мои помыслы объаты светом, мои руки способны держать знания. Я – сын Света, идущего вперёд и имя мне Собиратель».

«Ступай и ищи».

---

² Орфей (*лат.* Orpheus) мифический греческий певец, сын Музы Каллиопы и Аполлона. По легенде он создал орфику – тайное учение. Согласно ему Зевс породил Диониса Отрешителя, чтобы освободить душу, заключённую в человеческом теле. Посредством мистерий человек готовился к переходу после смерти в особое состояние, сходное с христианским раем. Души непосвящённых в орфические тайны людей должны были погибнуть в хаосе.

Масалья

Халялейя

Она умирала.

Во всяком случае, ей так казалось. И было в этой иллюзии смерти бесконечное блаженство, наслаждение миготом свободы в мире полноты, изнанки привычной жизни. Ей казалось, что она лежит в тёплой-тёплой воде и смотрит сквозь неё на солнце. Всё существо её стремилось к его свету: необжигающему, благодатному и вечному, но тот ускользал, словно говоря: «Всё это твоё, глупая, но не сейчас – после». Она плыла в мировом потоке, как рыба. Нет, она была ей. Водоросли-мысли касались её боков, соскальзывали по чешуе, и оставались позади. Ровное и спокойное течение убаюкивало, растворяло. Поток вымывал всё лишнее и ненужное, лишнее и ненужное, лишнее... всё...

В тот момент окончательно порвались нити, связывающие Масалью с окружающим миром. Она ощутила себя пылинкой, которую ветер возносит, рвёт на части, вновь складывает в одно, поднимает всё выше, выше, через небесную скорлупу – дальше, в чёрную бездну Последнего Океана, раскалываемую пополам долгожданным звуком – младенческим криком. И этот крик вырвал Масалью из потока. Она рухнула в темноту и та упруго вытолкнула её обратно в телесный мир.

Она рожала на свет дитя – воплощение её смысла жизни. В тот момент она почувствовала весь его жизненный путь, каждую слезу радости и крик падения. Разноцветные ленты смыслов слились в сверкающий клубок: нестерпимо яркий, переливающийся. Она кричала и билась, свет обжигал и пульсировал болью. Было жарко и холодно, и больно, очень больно, как никогда до того. И тихо, только горячее дыхание, и больно, опять больно...

Темнота сжалась и поглотила женщину.

– Благодарю тебя, милосердный Менглу, – улыбнулась Масалья.

Тот, кого называли Менглу, высокий, тощий старик в пыльном балахоне, подошёл к ложу и склонился над ребёнком.

– Когда-нибудь ты проклянёшь меня, – медленно проговорил он.

– Ты странный человек, Менглу.

– Я старый человек, Масалья, очень старый, – усмехнулся он и тихо вышел из лачуги.

Масалья задумалась.

Она пришла сюда несколько лун назад. Ей было видение: путь лежащий на юг, в страну, где живёт старик с глазами змеи. Бежавшую из дома Масалью подобрал в степи пастух, ехавший на юг для записи на службу в романские вспомогательный когорты³. Приняв, и не без оснований, Масалью за умалишённую, он помог добраться ей до Халялейи. Масалья знала куда идти. Каждый раз во сне она видела полуразваленный глинобитный дом и старика. Тот сидел в тени у стены, скатывал из хлебных мякишей и варёного гороха шарики, отправлял их в свой беззубый рот, молча смотрел на неё и ждал.

Из жизни сирийца-пастуха Масалья исчезла так же внезапно, как и появилась. Просто однажды утром он не обнаружил её, как обычно спящей у костра. Пастух не особенно расстроился. Он выполнил свой долг перед богами и не прогнал бродяжку-сумасшедшую там в степи,

---

³ Когорта (лат. *cohors* – отряд, группа людей), подразделение легиона численностью около 600 человек. Кроме когорт, состоящих из римлян, были вспомогательные когорты (*auxilia*), в которых служили представители покорённых Римом народов и союзники.

а теперь боги решили избавить его от этого груза. Масалья, ведомая своим фаросом⁴ добралась до жилища Менглу. Здесь, в бывшем хлеву, на подстилке из травы и обрывков овечьих шкур она родила.

От мальчишки, который приносил из ближайшей деревни еду, Масалья узнала, что старик пришёл сюда откуда-то с Востока уже много лет назад. Местные прозвали его Видящим. Почитали, как прорицателя и колдуна, а чаще просто боялись. И, кажется, было за что...

Масалья осторожно поднялась на ноги и вышла из лачуги. Старик сидел на земле и что-то невнятно бормотал, кажется пел.

– Менглу, почему ты так сказал?

Старик замолчал, разглядывая холмистую равнину перед собой, потом поднялся и ушёл.

---

⁴ Фарос, маяк, построенный на одноименном острове под египетской Александрией. Здесь – нечто, указывающее путь

Путь скорпиона. Начало

Понтиус Метатель⁵ стоял среди колонн дворца Эродеса⁶ и оттуда, сверху, смотрел на лежащий перед ним город. Была ночь. Кажется, и небо и земля были слеплены из одной чёрной глины. Слабые огоньки улиц. Далёкие голоса – как рукой по шёлку и снова тьма и тишина. «А вдруг ничего этого нет? – подумал мужчина. – Ни города, ни мира – есть только это вечное безмолвие. Дома, башни, храм, люпанары⁷, площади – всё это баловство богов и нет числа их обманам». Он вздрогнул. Изысканная туника и лёгкий плащ плохо согревали тело. «Что я здесь делаю?» – этот вопрос он задавал уже не раз. Причина его отъезда из Египта оставалась загадкой и для него самого. Сколько бы не уверял его посвящённый в Собиратели, но Метатель не верил в пришествие Чужеземца. В египетских книгах рассказывалось о визитах Неспящих, но Великий Орфей, это было так давно. К тому же книги тоже писались людьми...

Метатель шагал по дворцу и в который раз отмечал про себя безвкусие убранства: роскошно и бездарно – истинно в восточном стиле. Для него, воспитанного учителем греком – представителем народа, обожествлявшего гармонию⁸, было неприятно видеть это месиво ярких красок, золота и разноцветья камней. Пустой ветер!

Мужчина вошёл в небольшую светлую залу, уселся на богато застланное ложе и стал ждать. Начинала болеть голова, и он с усилием потёр кулаками виски. «Он будет, будет здесь, – обречённо подумал Метатель. – Я скажу ему, что всё бред. Уеду – в Рому на бои слонов, или в Грекию, но только весной, когда нет жары, и Флора⁹ улыбается в каждом цветке...»

– Ave¹⁰, Хранитель.

Голос Маркуса разбил тишину на сотни осколков и те обрушились на Понтиуса Метателя жестоким дождём.

– Ave, Посвящённый.

Маркус вразвалку прошёл к ложу и демонстративно развалился на нём.

– Зачем ты пришёл? – сдержанно, на правах старшего, начал Метатель.

Маркус выждал театральную паузу и сообщил:

– Я нашёл его. Он здесь, где-то близко. Мальчик из варваров. Ему лет десять...

– Бред, – оборвал его Метатель.

– Я видел его... другим зрением.

– Ты говорил со вторым Хранителем? – спросил Метатель и, не дожидаясь ответа, обрубил: – Он всё врёт. Неспящие больше не посылают своих братьев к нам, так сказано в книгах.

Он приставил взгляд как гладиус¹¹ к горлу Маркуса и жёстко произнёс:

– Нельзя найти ключ к тайне, которой нет.

Маркус по-собачьи ожесточённо воззрился на собеседника. Тот покусился на его Цель, на то, что давало ему жить, творить, оправдывало перед собой всю его внутреннюю грязь и поступки.

---

⁵ Прозвище Пилат (Pilatus) по-видимому произошло от слова дротик (лат. pilum). Тяжёлое метательное копье пилум было одним из основных оружий римского легионера.

⁶ Ирод I Великий (лат. Herodes), царь Иудеи. В его правление в Иерусалиме был построен роскошный дворец, использовавшийся после его смерти как резиденция римских чиновников, управляющих страной.

⁷ Люпанары (лат. lupanaria), публичные дома.

⁸ Гармония (греч. Harmonia) дочь Ареса и Афродиты, одна из богинь греческого пантеона.

⁹ Флора (лат. Flora), римская богиня цветов, юности и весны.

¹⁰ Ave (лат.), здравствуй, прощай.

¹¹ Гладиус (лат. gladius), короткий римский меч.

– Это ты врёшь, причём сам себе! А я буду искать его! – проорал Маркус и рывком поднялся с ложа.

Метатель устало покосился на него и тихо сказал, чтоб тот ушёл. Маркус старательно изобразил презрение и зашагал прочь.

– Менглу, что это? Это свет?

Мальш, щуря странные большие глаза, указывал ручонкой на солнце.

– Да, Иешуа, это свет.

– А что там, в свете?

– В свете Бог.

– А почему Бог не спустится сюда, чтобы все были в свете?

– Потому что он спит.

– А зачем Богу спать?

– Он ждёт Великой Весны, которая наступит на земле. Тогда он проснётся.

– А когда наступит Великая Весна?

– Когда погибнет последний человек.

– Но мы ведь тоже люди, значит, мы погибнем?

– Нет, Иешуа, мы переродимся и уйдём на небо, чтобы тоже спать...

– Просыпайся, Маркус. Не спи.

Мужчина открыл глаза. Над ним склонилась обнажённая смуглая девушка и лёгкими движениями пальцев разглаживала две наметившиеся морщины у него на лбу. Маркус сонно улыбнулся и почти ласково процедил:

– Пошла вон, Арьии.

Девушка улыбнулась как от похвалы, поднялась с ложа и, прикрыв наготу гиацинтовым покрывалом, вышла. Маркус проследил за ней взглядом – хороша... Интересно, сколько брала за ночь? Ему она никогда не говорила, а на его расспросы твердила одно: «Маркус, я твоя». «Святая шлюха та, что умеет искренне врать», – как говорит Понтиус Метатель.

Маркус перекатился на другой край ложа, встал, натянул на себя выстиранную, приятно пахнувшую розовым маслом тунику. Домишко, что он снимал для себя и для Арьии находился в южной части Верхнего города¹². Рядом стоял двухэтажный особняк работорговца Йуду. Ещё тут был небольшой сад. На одном из деревьев сидел медный змей. Местные чтили его как святыню, излечивающую от змеиных укусов. По преданию когда-то давно египтский колдун, приведший сюда иудеев, однажды сотворил такого же¹³. И потемневший от времени змей, и старое дерево были неказисты и убоги, и Маркус часто повторял, что велит срубить уродину, вместе с сидящим на ней червяком, когда Метатель получит должность прокуратора или префекта провинции. Сам Маркус с недавних пор ходил в префектах городской стражи и уже успел прославиться, круто расправившись с пойманными кинжальщиками¹⁴. Их заставили драться на арене, на виду у нескольких тысяч согнанных на трибуны зрителей деревянными мечами против железа сотни романских солдат. Тогда погибло много людей. Маркус лично участвовал в резне. Город запомнил нового префекта стражи и дал ему кличку Кровник. Нынешний про-

---

¹² Верхний город – район Иерусалима в западной части города, близ Иродова дворца.

¹³ «И послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых. И пришёл народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтоб Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя, и всякий ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив». (Числ 21:6-9)

¹⁴ Сикарии (лат. sicarii – кинжальщики), иудейские повстанцы, стремящиеся добиться независимости своей страны. Название их пошло от латинского слова «sica» – кинжал.

куратор Гратус был стар и почти не выходил из своих покоев – боялся заговора, а его помощники были заняты воровством да сведением счётов, так что Маркусу никто не мешал. Но где-то там, на севере жил мальчик, обречённый быть богом и Маркус должен был найти его, чтобы познать себя...

Арьйи вошла, как всегда, почти бесшумно. В руках – большой поднос: хлеб и кувшин с молоком.

– Кровник, я принесла поесть.

Лицо Маркуса дёрнулось.

– Не называй меня так.

– Как хочешь.

Она поставила поднос на круглый тёмный столик рядом с ложем.

– Ешь.

– Я не хочу.

Она встревожено посмотрела на него:

– Ты обиделся? Забудь.

Её прохладная рука легла на его плечо:

– Маркус...

– Свидимся, Арьйи. Мне пора.

Он застегнул пряжку тяжёлого легионерского пояса с гладиусом, взял в руки плащ и ушёл.

Арьйи села на ложе и задумалась. Маркус в последнее время был сам не свой, твердил что-то непонятное. И эти слова, брошенные как игральные кости: «Боль, поделённая на двоих становится любовью»; даже не сами слова, а то выражение лица, с которым Маркус их произнёс. Тогда он был похож на мертвеца.

– Менглу, а если воин вынет меч из ножен, он не может вложить его обратно, не обагрив его кровью?

– Нет, Иешуа, не может.

– А если крови нет.

– Тогда он должен обагрить его своей кровью.

– Но это же больно.

– Боль – это способ забыть то, чего нельзя помнить.

– Я забыл, Менглу

– Значит, ты вспомнишь снова.

Они встретились в пустыне, днём, на перекрёстке у камня с полустёртой процарапанной кем-то надписью VITA¹⁵. Четыре тёмные точки на жёлтом полотне. Начинаясь песчаная буря. В воздухе носились миллионы песчинок. Они забивались в складки одежды, в уши и больно секли по глазам. За мальчиком стояли двое. Одного Маркус знал – это был второй Хранитель. Во время своих видений романец представлял себе его иначе, старше, с более резкими чертами лица. Впрочем, и сейчас определить возраст Менглу было сложно. Рядом с ним стояла молодая женщина. «Кажется из местных», – подумал Кровник. Её глаза бессмысленно и блаженно блуждали по земле. Лицо было наполнено трагической красотой.

Маркус опустил на колени и сравнялся с мальчиком в росте – так он лучше видел его лицо. Иешуа внимательно посмотрел на Кровника. Тот почувствовал, что раскрывается перед мальчиком, как книга. Иешуа начал говорить:

---

¹⁵ Жизнь (лат.)

– Ты болен. Ты хочешь покоя, но получаешь розги. Ты бьёшь ими других людей, а сам остаёшься нетронутым. Ты мёртвый внутри и холодный снаружи. Ты – столб в солнечных часах; по тебе следят за временем, но время вечно, а ты нет. Ты никогда не будешь неправ, но солнце когда-нибудь закатится, и ты погрузишься во тьму. Тебе нерадостен свет, тебе ненавистна тьма. Ты хватаешься за жизнь, но не находишь в ней смысла. И ты уходишь. Ты будешь счастлив, если позволишь себе не уходить, а остаться.

Маркус улыбался. Он не понял ни слова. Иешуа говорил на языке йудеев.

– Царь небесный, ты вернулся, – романец протянул свою покрытую песчинками загорелую руку и коснулся лба мальчика. – *She sol*, «здесь солнце»¹⁶... Ясон¹⁷... Посланник небес, обречённый на жизнь здесь...

Лицо Кровника, обычно надменное и неприветливое, если не сказать злое, теперь выражало детское восхищение. Так ценитель любит великолепную статую.

– Пойдём со мной, – сказал мальчик на ломаной латыни.

– У меня свой путь, – ответил Маркус и сплюнул песок изо рта.

– Но он неверен.

– Умело управлять своей жизнью возможно лишь тогда, когда не относишься к ней слишком серьёзно.

– Ты опять уходишь, – медленно произнёс Иешуа.

– А куда идёшь ты? – спросил Кровник.

– Мы идём в Иерусалиму, – ответил за мальчика Менглу. Он произнёс название города так, как делали римляне, почти глотая гласные: Иеруслим.

Маркус поднялся с колен. Буря усиливалась.

– Пошли вместе, – предложил Кровник, и, не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал, прикрываясь левой рукой от ветра.

---

¹⁶ Некорректная латинская грамматическая конструкция.

¹⁷ Эллинизированная форма имени Иешуа.

Метатель

Последние несколько ночей ему снился дождь. Тяжёлые тёплые капли ударяли о молодые листья и разлетались на мелкие брызги. Там, в этом сне, была свежесть, чувствовалась настоящая жизнь. Каждый раз, открывая глаза, он видел фальшивые монеты вместо звёзд. Их блеск был нестерпимо противен. Он напоминал сам себе канатоходца, балансирующего между мирами. В одном были чиновничьи дела, воровство и заботы о семье, в другом был Кровник, холодные безумные глаза-иероглифы и разговоры, бесконечные разговоры, и ощущение приближающегося ужаса. Он сжал кулаки так, что хрустнули кости. Тревога, тревога... Он просыпался в душном, прокалённом солнцем городе, гнался за выполнением никчёмных дел, как за светляками в пустыне и не находил ничего достойного в их исполнении.

А Маркус всё-таки нашёл Чужеземца. Спасителя, как писали иудейские пророки. Метатель усмехнулся – Маркус, который лично резал глотки бунтовщикам иудеям, привёл в город Спасителя, который должен спасти этих самых иудеев!

Радость игрива и опасна как дикий кот, а боль пахнет хенной¹⁸. Зачем он пришёл? Кто он? Наказание или милость? А может быть прав Маркус: «Он не несёт в себе ни смерти, ни жизни. Он послан как осознание громады мира и места человека в нём, пусть даже это место и невелико, и мы, взывая к своим богам, не взываем к вечности. Она отражена в нас через него. Может поэтому он варвар и не знает книг и письма. Но он чувствует мир и осознаёт его как часть себя, и через него мы почувствуем то же»

Может быть ты и прав Маркус. Может быть...

Метатель взял в руки обрывок папируса: «Это способ уйти, не выпачкав сандалий; это смерть, приходящая под утро; соль на песке, кровь на мёде, пепел меж ладоней, жизнь, пролитая на лист папируса, слитая с солнцем».

---

¹⁸ Хенна – благовоние, а также натуральный краситель, получаемый из высушенных листьев кустарника лавсонии. Обладает обеззараживающими свойствами.

Город скорпиона

Черепаша. Да, пожалуй, именно черепашу напоминал этот город ночью. Укрытый панцирем стен, он лежал на каменистой равнине и казался неподвижным и пустым, как глаз покойника. Во время четвёртого караула¹⁹ город начинал оживать. Из ремесленных мастерских, с рынков, харчевен, домов, улиц доносился и нарастал шум. Город обрастал звуками, как жилище кровлей. Как писал Маркус: «Они становились прозрачным куполом, сквозь который не проходило божественное слово».

Новости, новости: из казарм сирийцев²⁰ выгнали всех шлюх, после того как несколько вспомогательных когорт опоздало на смотр; статую Аполлона, что стояла возле амфитеатра, минувшей ночью йудеи-бунтовщики опрокинули с пьедестала, её вновь водрузили на место, но теперь уже приставили охрану; на дороге в Мегиддо²¹ ограбили караван торговцев; коген²², который помешал романцам внести портреты принцепса²³ в Храм²⁴ был найден задушенным в своей постели; жрецы ненавидяще молчат, простой народ возмущается, впрочем, пока только на словах. И этот одуряющий запах роз в саду перед дворцом Эродеса...

По нешироким улицам Верхнего города, стараясь оставаться в тени домов, шли трое: высокий, худой старик и мать с сыном. Все трое бедно одеты, только на мальчике был тёплый плащ, явно с чужого взрослого плеча. Менглу вывел своих спутников к приземистому двухэтажному дому, возле которого сидел нищий. Лицо его эллины называли бы уродливым. Он был похож на ящерицу.

– Здесь живёт человек, который нам нужен, – сказал Менглу и постучал в дверь.

Нищий, тем временем, с удивлением разглядывал мальчика.

– Ты пришо-ол, – шепелявя протянул он.

Мальчик подошёл к нему. Нищий, что-то бормоча, заёрзал перед ним на животе и прикрыл голову руками, будто ожидая удара. Мальчик коснулся кончиками пальцев его головы, и он умолк. Откуда-то, кажется из дальнего конца улицы, зазвучала музыка. Потом мелодия застыла на одной ноте: тонкий, едва уловимый звук. Он длился долго. Так долго, что стал почти нестерпимым. Наконец, звук оборвался. Нищий поднял взгляд и оглянулся. Улица была пуста. Он поднялся и медленно, опираясь руками о стены и хромя, пошёл прочь.

...У торговца рыбой сегодня было скверное настроение. Какой-то бродяга утром, проходя мимо его лавки, принялся орать, что «время рыбы пришло»²⁵, и тыкать пальцами, испачканными в нечистотах, в его товар. Он прогнал его, но всё равно было как-то неспо-

---

¹⁹ С 3 до 6 часов РМ.

²⁰ В римской армии, кроме основных воинских частей использовались вспомогательные боевые отряды, набранные из представителей покорённых народов и племён.

²¹ Мегиддо – город к северу от Иерусалима. Согласно «Апокалипсису» близ холма Мегиддо (Армагедона) произойдёт последняя битва сил добра и зла.

²² Коген – жрец в иудаизме.

²³ Принцепс (лат. *princeps* – первый) – титул римского императора.

²⁴ Имеется в виду Второй Иерусалимский Храм, колоссальное сооружение, от которого ныне остался только кусок западной стены, т.н. Стена Плача.

²⁵ Рыба была символом первых христиан. В слове «ихтис» (др.-греч. – рыба) видели монограмму имени Иисуса Христа, состоящую из начальных букв слов (Иисус Христос Сын Божий Спаситель). Кроме того, с приходом Христа наступила астрологическая эпоха Рыб.

койно. «Надо бы пойти в Храм, или к колдунам на рынок возле Тиропеона²⁶. Они хоть берут поменьше, толкователи эти. А то ведь не будет торговли».

...И нищий и убогий укажет перстом на тварь, и тварь убоится. И придёт за страхом печаль великая и сомнение, а за сомнением будет всеомывающий дождь прощения...

Иешуа с удивлением рассматривал висящий на стене ковёр. На нём был изображён олень выходящий из воды.

– Это подарок от одного торговца, – раздался голос за спиной мальчика. – Такие звери живут на севере.

Говорившему было около трёх десятков лет. Тщательно уложенные чёрные волосы, борода, крупный нос с горбинкой, твёрдый изучающий взгляд – он был похож на ашшурские²⁷ статуи крылатых наполовину быков наполовину людей.

Хозяин дома позвал рабов и приказал принести воду для умывания, еду и напитки для гостей, а сам внимательно, не скрывая любопытства, наблюдал за мальчиком. Утомлённые дорогой Менглу и Масалья расположились на вышитых подушках, а Иешуа бродил по просторной зале, разглядывая дорогие ковры, оружие, развешанное по стенам, вазы, со свежими цветами и ветками деревьев, свисающие с потолка колокольчики, статуэтки иноземных богов и богинь, причудливых животных, вроде камелопарда²⁸, дорогие шкатулки из ароматной древесины, украшенные слоновой костью, золотом и разноцветьем камней. Богатство, дороговизна вещей, вкус хозяина создавали тонкую иллюзию соприкосновения с его внутренним миром, который на самом деле был скрыт калейдоскопом масок и состояний.

– Йуду, мы остановимся у тебя, – без тени вопроса сказал Менглу.

– Всегда рад принять гостей, учитель, – улыбнулся Йуду. Почти искренне. Потом добавил: – Располагайтесь в моей комнате, а я буду спать во дворе.

Комнат в доме Йуду было достаточно, но это было традиционное выражение наивысшего почёта гостям.

Иешуа, тем временем, разглядывал статуэтку мужчины, борющегося с многоглавой змеей.

– Почему он борется с ней? – спросил мальчик.

– Он хочет её победить, – ответил, подошедший Йуду.

– А зачем ему побеждать её?

– Он – воин. Это его путь.

Иешуа рассмеялся:

– Я его знаю.

В комнату, как вода из переполненного ведра, хлынули солнечные лучи сквозь несколько оконцев под потолком. Тени легли на статуэтку, и, казалось, что воин улыбается. Потом свет начал таять, пока совсем не иссяк. Лицо воина опять стало классически холодным и безжизненным. Иешуа посмотрел огорчёнными глазами на него и сказал: «Но он опять уходит»...

Маркус тихо напевает:

«Много света во тьме
но солнце закатится
и земля пропоёт

---

²⁶ Тиропеон или Долина сыроваров – долина у подножия горы Сион в Иерусалиме.

²⁷ Ассирийские. Ассирия – государство в северной Месопотамии (территория современного Ирака), со столицей в городе Ашшур.

²⁸ Жираф. Слово представляет собой слияние двух латинских слов, означающих «верблюд» и «леопард».

невесёлую песню
о семи цветах
в янтарном ложе
и бледной птице
в забвении мира.
Но вот снова светает...»
Марк улыбается.

Йоханнан

– Врёшь ты всё! Врёшь! – негодовала толпа. Казалось ещё чуть-чуть и люди возьмутся за камни и тогда маленькому нищему с лицом ящерицы несдобровать. Однако настроение народа не смущало Йоханнана, но, наоборот, добавляло в его слабое тело силы. С криком: «Прочь!» он бросился в мелкую речку, и, забравшись по пояс в воду, обернулся к толпе на берегу.

– Он пришёл! – возвестил величественным голосом нищий. – Я видел его! Да, видел! Он – свет, и тьма бежит от него. Бойтесь – и вы прозреете, и спасётесь.

Йоханнан воздел тощие руки к небу:

– Он не бросит тех, кто в него верит. В воду, люди, в воду. Смойте грязь с тел и душ, чтоб увидел он, что чисты мы и посадил рядом с собой. Слышите – он стучится вам в двери? Так откройте же ему! Не запирайте свои души на замки, и он войдёт в вас, и освятитесь вы, и прозреете, и исцелитесь. Я слаб и немощен, но Он силён. Он даст нам силы, Он спасёт наш народ. Подобно Моше²⁹, который вывел нас из ворот Эгипта, из дома рабства³⁰, Он укажет дорогу исхода.

Нищий уже не говорил, а рыдал, и видевшие это люди затихли. Потом какой-то мальчишка вошёл в реку. Он был немой и знаками давал понять Йоханнани, что хочет пройти обряд. Нищий, обратясь к небу, произнёс:

– Возьми его к себе в царство.

Одним движением Йоханнан схватил мальчишку за шиворот и окунул в воду.

– Иди, и не будь, как прежде.

Креститель шатался от усталости, вода омывала его ворчливыми струями, яркое дневное солнце блестело на его смуглой голове и речных волнах, и людям показалось, что в тот момент Йоханнан засветился изнутри. Мальчишка, глядя на него, вдруг засмеялся, шершавым и тихим смехом немого, потом набрал горсть воды, поднял руки к солнцу и окропил голову нищего. Тот разрыдался во весь голос.

Люди осторожно подходили к реке, вставали на колени и поливали себя водой. Они не видели Спасителя. Но сегодня они видели Чудо.

..и увидевший чудо поверит, аверяющий примет. Чудо подобно бусам. Жизнь есть нить, бусины – события, всё вместе – человек, ибо он есть настоящее Чудо...

---

²⁹ Моисею.

³⁰ «И изрёк Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исход 20:2).

Хранители

Они стояли напротив друг друга.

Они были похожи, хотя на первый взгляд, что может быть общего у старика-варвара в сером балахоне и холёного государственного мужа, рождённого носить тогу³¹.

Было раннее утро. Из сада доносилось пение арфы, смешанное с приторным розовым ароматом, невнятные голоса стражи и звуки прикосновения металла о металл. Большая приёмная зала дворца была роскошна, вся отделанная бело-голубыми мраморными плитами, с виссоновыми³², вышитыми золотом, занавесями и великолепной мозаикой на полу. Менглу выглядел в ней как комок дорожной грязи, налипший на полу платья знатной матроны. «Именно», – подумал Метатель. Особенно ему не понравился взгляд старика: прямой и насмешливый, как у местных бунтовщиков.

Первым начал разговор Метатель дурацкой фразой на арамейском³³:

– Ты пришёл, – полу утвердительно, полу вопросительно протянул он.

Менглу криво улыбнулся. У него не хватало нескольких передних зубов и улыбка вышла некрасивой.

– Ты странный человек, романец, красноречив, когда этого никто от тебя не ждёт и цедишь слова, как монеты в руку нищего, когда требуется долгая беседа. Я...

– Ты привёл Чужака, я знаю, – оборвал его Метатель и по привычке человека, наделённого властью, уставился тяжёлым взглядом на собеседника.

– Он не Чужак. Пока он ребёнок, и ему нужна наша помощь, – возразил Менглу и с вызовом ответил на взгляд романца. Тот отвернулся, и в этом жесте промелькнула тонкая брезгливость, которую тут же почувствовал старик. Следующую фразу он произнёс на койне³⁴, тщательно проговаривая все слова:

– Нам нужно жилище, где-нибудь подальше от людей, немного денег и еды. Ты сможешь нам это дать?

Понтиус Метатель помолчал, потом брякнул, будто откупаясь, бросая кремению³⁵ с монетами на стол: «Нубия³⁶». Кровник, который и организовал эту встречу уже говорил ему, что скорее всего потребует старик. Романец прошагал к пустому столику писца в углу залы, взял с него несколько исписанных папирусных листов и продолжил:

– Там есть оазис, к юго-востоку от второго порога Реки³⁷. Раньше там жила община лекарей³⁸. Они замыслили заговор и были оттуда изгнаны. Сейчас там пусто. Я выкупил это место. Вы можете поселиться там. До ближайшего селения несколько дневных переходов. Вода там

---

³¹ Тога (лат. toga – покрывало), официальная одежда римских граждан-мужчин, представлявшая собой большую (около 5 м в длину и 2 м в ширину) накидку, драпированную особым способом.

³² Виссон – очень тонкая и дорогая ткань.

³³ Арамеи – семитские племена, проживавшие на территории современных Сирии и Ирака. Арамейский язык, родственник древнееврейскому и финикийскому языкам, получил большое распространение и стал фактически разговорным на территории Восточного Средиземноморья и Месопотамии.

³⁴ Койне – общегреческий разговорный язык.

³⁵ Кремена – кошель, обычно кожаный.

³⁶ Нубия – страна, по обеим сторонам Нила, к югу от Египта.

³⁷ Имеется в виду река Нил.

³⁸ Лекари или терапевты (др.-греч.) – еврейская аскетическая секта, во многом предтеча христианского монашества. Вот, что пишет о них древний автор Филон Александрийский: «...их ведь называют терапевтами... может быть потому, что они предлагают искусство врачевания более сильное, чем в городах, поскольку там оно излечивает только тела, их же (искусство) – души, пораженные тяжёлыми и трудноизлечимыми недугами, души, которыми овладели наслаждения, желания, печали, страх, жадность, безрассудство, несправедливость и бесконечное множество других страстей и пороков».

есть, а еду можно привозить. К тому же вы сами можете выращивать хлеб и финики. Вот разрешения на проезд и поселение, – Метатель протянул несколько страниц старику.

Менглу неспеша подошёл, заставив романца несколько мгновений стоять в нелепой позе с вытянутой рукой, и забрал документы. Метатель соврал ему о лекарской общине. Когда они с Маркусом были в Египте, то подбросили нескольким членам общины портреты принцепса с перерезанным горлом, и сценами его убийства, а потом донесли об этом властям. Те обвинили общину в оскорблении величества, заговоре и колдовстве, после чего руководителей казнили, а поселение разогнали. Землю эту за бесценок потом и выкупил Метатель. Тихое место на краю обитаемого мира как нельзя лучше подходило для уединения и размышлений. По легенде именно здесь богиня-птица потеряла своё перо, и на месте, где оно упало на поверхность пробился источник. В оазисе было несколько пещер. Их стены были расписаны удивительными, варварскими, постоянно напоминал себе Метатель, но от того не менее удивительными картинами. Почти на всех была она: полу-женщина, полу-птица, госпожа неба, как звали её изгнанные отсюда лекари, с кроваво красными когтями и печальным взглядом. Рисунки эти были древнее всех пирамид и засушенных варварских царьков. Метатель и Маркус одно время даже жили в этих пещерах, предаваясь созерцанию, ограничивая себя в пище и воде, «упражняясь в мудрости», как называли это египетские колдуны-жрецы.

В глазах Менглу отразилось что-то вроде благодарности.

– Ты пойдёшь с нами? – спросил он.

– Нет, но Маркус сможет перевестись по службе и быть поближе к вам. Я оповещу Братство – они помогут, – романец торопливо выговорился и замолчал.

Менглу завернул папирусные листы в кусок выделанной кожи, убрал за пазуху. Потом спросил:

– Ты помнишь кто мы?

– Мы – хранители. Я светлый, а ты рождён тьмой, – ответил Метатель. – А почему ты спросил?

Менглу усмехнулся:

– Я всегда думал, что не бывает добра и зла в неизменном виде. Я видел горы, леса, пустыню – все творения Властелина и сознавал своё ничтожество. Но рядом с Чужаком я... Я чувствую, что становлюсь другим. Не как ты или Маркус. Я становлюсь деревом, птицей, водной тварью. Я живу и не размышляю, поднимаюсь к вершине и не плачу от собственного несовершенства. Я становлюсь свободным и не боюсь этого.

– А твой долг Хранителя?

– Я был посвящён, когда был уже немолод. До этого я сделал много зла и думал, что сумею искупить его. Но Чужак, он всё изменил. Я не чувствую ни вины, ни радости отторжения дыма суеты. Я стал частью мира, которому не знакомы эти слова.

Менглу хитро улыбался, и Метатель тоже не сдержал улыбки.

– Это всё от бесед с Чужаком, – сказал он.

– Он легко рассказывает о вещах, о которые многие мудрецы спорили годами, и о чём будут спорить ещё много лет. Но, игемон³⁹, он ещё ребёнок. Он не знает законов людей. Наш мир или убьёт его, или сделает своим рабом, – Менглу вопросительно посмотрел на романца.

Тот, как в суде, чётко выговаривая слова, произнёс:

– Я буду оберегать его.

Потом добавил:

– Я всадник Маркус Понтиус Метатель сделаю всё, чтобы жизнь его не была бессмысленным страданьем, а Уносящая жизнь не явилась к нему слишком рано. И пусть меня рас-

---

³⁹ Игемон (греч.) – начальник, владыка.

пнут, как пса позора, если я откажусь от сказанных сейчас слов, или буду плохо исполнять своё обещание.

Менглу облегчённо вздохнул.

Хлойи

Она была дочерью Вертумна – весьма примечательного человека, «романского грека», живущего в иудейской Иерусалиме. Младенцем, в Атэнах⁴⁰ его подбросили к дверям дома местного торговца. Случилось это в день празднеств в честь Вертумна и Помоны⁴¹. В честь этого италийского бога и прозвали мальчика. Вертумн стал рабом. Его хозяева оказались добрыми людьми. Вертумн рос вместе с их детьми, играл с ними в одни игры, обучался наравне с ними наукам, а когда подрос, хозяева даровали ему свободу. Из Атэн Вертумн перебрался в Италию, где завербовался в солдаты. Прослужил он недолго: получил тяжёлое ранение в бедро, отчего всю последующую жизнь страдал хромотой. Сам он утверждал, что был ранен в бою, но на самом деле ногу ему распорили в трактирной драке. Уйдя из армии, он поселился в Городе⁴², где быстро стал известен и вошёл в моду, как автор проникновенных стихов, описывающих прелести столичных и провинциальных гетер (благо в них он был большой знаток). От одной из гетер и родилась Хлойи, получившая своё варварское имя от матери, рыжеволосой галлийской⁴³ бестии, с которой у Вертумна была сумасшедшая страсть. Мать Хлойи не то сама умерла во время или вскоре после родов, не то Вертумн помог ей в этом, так как она не хотела отдавать ему ребёнка, но так или иначе родившаяся Хлойи стала смыслом жизни для отца. «Много повидал я, но ничто не оставило отпечаток на песке моей души, но тихий свет в ночи нашёл я и всё засияло...» Что-то в таком духе. Для Вертумна это стало удивительным открытием – он начал заботиться о ком-то ещё, кроме себя.

Когда Хлойи немного подросла, они с отцом переехали из душной и пыльной Румы в ещё более душную и пыльную Иерусалиму. Вертумну здесь выпала выгодная должность в префектуре снабжения войск. Хлойи быстро освоилась в новых условиях, удивляя всех своими светлыми длинными волосами. Вертумн хотел сделать из неё образцовую жену – скромную трудолюбивую пчёлку, но все его попытки воспитания наткнулись на упрямый взгляд серозелёных глаз. У неё был невыносимый характер матери, и она любила быть в центре внимания. Гости в их небольшом доме в северной части Верхнего города были нечасты, но все заезжие философы, считавшие себя поэтами и поэты, считавшие себя философами почитали своим долгом заглянуть к Вертумну, подиспутировать на разные темы, а заодно и узнать о ценах на местное вино и проституток. Хлойи всегда забавляли эти симпозионы⁴⁴ и рассказы трясущихся стариков о толпах удовлетворённых ими женщин и мужчин.

А в последнее время к ним стал часто заходить Маркус Кровник, глава особого отряда городской стражи и приближённый префекта службы сбора податей богатого всадника⁴⁵ Маркуса Понтиуса Метателя. Многие говорили, что скоро наступит их время. В Иудее было неспокойно: кинжальщики, мятежные речи на площадях, и над старыми управленцами нависла немилость столицы. Оба Маркуса же были молоды, честолюбивы, и по слухам не брезговали никакими методами, чтобы получить своё. Рано или поздно они должны были добиться успеха.

Хлойи ничего не имела против Маркуса (или «римского меча, беспощадного и холодного», как называл его в одном из своих бесчисленных стихов Вертумн), но что-то её всегда

⁴⁰ Афины (греч. Athenai) – город в Греции.

⁴¹ Вертумн (лат. Vertumnus) и его жена Помона – римские божества смены времён года и древесных плодов.

⁴² В Риме. Сами римляне часто называли свою столицу просто urbis – город.

⁴³ Галлия (лат. Gallia), так римляне именовали земли племени галлов, общее название территории, которую ныне занимает Франция, Западная Швейцария и Бельгия.

⁴⁴ Симпозион (греч. symposion), пиршество, попойка, с пением, разгадыванием загадок и интеллектуальными играми.

⁴⁵ Всадники (лат. equites), второе после сенаторов сословие древнеримского общества, занимающееся преимущественно крупной торговлей и управленческой деятельностью в провинциях.

в нём настораживало. Вертумн же, наоборот, считал, что нашёл, наконец, в этой, как он выразился «заднице слона по имени романский мир⁴⁶», то есть в Иерусалиме, единственного человека, который его понимал. Вместе они вели длинные беседы, отправлялись гулять по загородным садам, читали друг другу свои сочинения. Для Хлойи, начавшей поглядывать на мужчин, Вертумн подыскивал достойного мужа, а в иерусалимской дыре это было сделать непросто. Маркус подходил на эту роль если не идеально, то очень даже, хотя и был странен – жил с бывшей проституткой-йудейкой и не скрывал этого. Выкупил её из одного местного люпанара. По слухам вела себя она у него дома как жена. И, хотя вольную он ей и не дал, но, как все говорили, позволяет ей слишком много: она вмешивается в беседы, выражая своё мнение (СВОЁ! О, боги), одевается как романская матрона (это со своими-то манерами!) Он тратит время и деньги на поиск каких-то редких цветочных кустов для садика, потому что она любит «свежую красоту». Ещё она любит птиц, и он купил ей разноцветных голосистых пищалок, наполнивших дом шумом и помётом. Впрочем, у каждого есть свои странности. Пусть Маркус, презиравший народ йудеев, выполняет капризы этой варварки. Наваждение скоро спадёт, и Кровник возьмёт себе нормальную романскую жену.

Хлойи тихо посмеивалась над попытками Вертумна свести их вместе. Они были слишком разные, да к тому же она его явно не интересовала. Вообще же, что его интересовало, Хлойи так и не смогла понять. Маркус казался ей очень странным человеком. Эта странность проявлялась во всём: в походке и движениях, то уверенных и надменных, то сумрачных и вялых, словно его мучила болезнь, в тех почти неуловимых моментах, когда в глазах Кровника мелькала какая-то пугающая пустота и тут же сменялась обычным насмешливо презрительным выражением. Даже волосы, густые и чёрные росли по-особенному, ровной шапочкой покрывая голову.

Этим вечером Маркус снова был у них в гостях. Триклиниум⁴⁷, не имевший одной стены, переходил во внутренний дворик-сад, и голоса вечерних птиц задумчиво журчали в воздухе. Ветерок теребил лепестки цветов, узорчатые тени веток трепетали на стенах. Кровник с отцом Хлойи полулежали на подушках, набитых пухом и ароматными травами и, потягивая подслащённое вино из чашек, расписанных картинами телесной любви, неспешно перекидывались загадочными и бессмысленными фразами, потом дружно хохотали, поняв всю нелепицу сказанного. Они были похожи на двух детей, играющих в своё удовольствие.

– Хло-ойи. Поди-ка сюда, – Вертумн заметил гуляющую по саду дочь.

Девушка быстро состроила недовольную гримаску и вошла под крышу.

– Ты звал меня, отец? – сказала она, подчёркнуто не глядя на гостя. Захмелевший Маркус улыбался – игра ему явно нравилась.

– Да, Хлойи, – нараспев сказал Вертумн. Это была его манера говорить, даже не говорить, а «пропевать слова». – Посиди с нами, дочь моя.

Девушка с видимой неохотой опустила на край дальнего от Маркуса ложа.

– Я и мой гость, славный Маркус, – Вертумн картинно почтительно кивнул на Кровника – мы хотели бы, чтобы ты прочла нам что-нибудь из любимых тобою поэтов.

Хлойи состроила страдальческую мину, и с видом legionера в самом начале перехода через пустыню начала декламировать на певучем греческом:

...и песни ветвей, шелестевших когда-то,
нам напевали печальные нимфы;
и город героев из тиса и бронзы
вставал, будто призрак; прощальное солнце...

Девушка внезапно умолкла, забыв слова, и тут же Маркус продолжил:

...вставшее рано, летело по небу;

⁴⁶ Рах гомана (лат.), область распространения римского политико-культурного мировосприятия.

⁴⁷ Триклиний (лат. triclinium), столовая комната.

по листьям потерь шли наши ноги
резвилась удача, но раненым зверем
кричал за порогом непройденный путь.
Маркус закончил и Вертумн тут же заплодировал.

– У вас прекрасно получается вдвоём, – с хитрецей в глазах сообщил он. – Хорошо дополняете друг друга.

Маркус блеснул чёрными:

– Дополнение не означает счастья.

– Но, что такое счастье, – всплеснул руками Вертумн.

Последовал всплеск околофилософской болтовни. Вертумн был напыщенно красноречив, а глаза и речи Маркуса приобрели неприятный холодный блеск, и Хлоии была рада уйти, когда отец послал её поторопить ленивого раба-прислужника с ужином.

После сытной трапезы Вертумн с Маркусом разошлись по покоям. Хозяин дома настоял на том, чтобы гость остался. У местных был какой-то религиозный праздник, и ночные улицы для нейудеев были вдвойне опасны. Кровник попросил приготовить ему ложе во дворе под виноградным деревом. Хлоии тоже отправилась отдыхать в свою комнату. Однако, сон не шёл к девушке. Она лежала на постели, и ей казалось, что её тело было оплетено невидимыми глазу, но явственно ощутимыми нитями, подобно паутине, и хозяин этой паутины с негромкой песней медленно подтягивал её к себе. Не выдержав, девушка поднялась и, накинув на себя тонкий пеплос⁴⁸, вышла из дома.

Её впервые поразила ночная тьма. Именно поразила. Она никогда раньше так не чувствовала ту обволакивающую, прохладно дурманящую черноту, которая поглотила небо и землю. Внезапно взгляд Хлоии упал на знакомую мужскую фигуру. Маркус сидел на ложе спиной к ней. Повинуясь странному чувству, Хлоии подошла к нему.

---

⁴⁸ Пеплос (греч.), лёгкая женская одежда без рукавов, заколотая на плечах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.